

После того как правительственные войска отступили, на спокойные улицы постепенно стали выходить люди. Они и раньше не убегали далеко, лишь прятались, чтобы избежать опасности, да заодно поглазеть на зрелище. Увидев, что всё закончилось, горожане облегченно выдохнули и начали перешептываться, опасаясь лишь того, что некому будет рассказать об увиденном представлении.

Нин Цзюэ бросил взгляд на человека рядом. Ань Чунье вытер руки и бросил окровавленный платок на землю.

— Зимнее опьянение в Яньюэлоу очень недурно. Господин Нин, не составите компанию?

Хотя он и спрашивал, в его тоне не было места для отказа. Нин Цзюэ опустил голову:

— Раз Его Высочество изволили пригласить, для меня это большая честь.

— Пойдем.

Ань Чунье зашагал прочь. Слои его одежд колыхались при каждом движении, выглядя весьма изящно и легко. Нин Цзюэ следовал за ним на полшага позади. Между ними сохранялась дистанция в пол-аршина — сразу видно порядок старшинства: государь есть государь, а подданный — подданный.

Дорог в Цзинду великое множество: сотни больших и малых улиц и переулков. Основу их составляют четыре пересекающиеся магистрали: Чанлэ, Чаннин, Чанпин и Чанъань. Все прочие улочки тянутся вдоль них, образуя запутанный, но гармоничный и упорядоченный облик великой столицы.

Яньюэлоу расположился на пересечении этих четырех улиц. В столь оживленном месте простому люду оказаться непросто. Двухэтажный терем с красными стенами казался ниже окружающих гостиниц и винных лавок, но выигрывал за счет площади: он занимал место сразу трех торговых точек. Под ярко-красными фонарями красовался огромный иероглиф Вино.

Внутри было полно народу. У входа не было зазывал, Ань Чунье прошел прямо внутрь. Нин Цзюэ нахмурился, помедлил мгновение и последовал за ним. По случаю праздника в заведении яблоку негде было упасть. Ань Чунье подозвал полового, вручил ему слиток серебра, и тот с радостной улыбкой проводил их наверх.

На втором этаже обстановка была куда лучше: столы разделялись ширмами. Половой привел их в уединенное место. Ань Чунье дал еще один слиток и велел принести лучшие вина и закуски, особо подчеркнув, чтобы не забыли Зимнее опьянение.

Нин Цзюэ стоял в стороне, глядя, как половой удаляется с двумя тяжелыми слитками. Он не нашелся что сказать, вспомнив о своих семи лян серебра, которые только что улетели в

никуда, — пустота в кармане вызывала лишь горькое смирение. Не просить же Его Высочество возместить убытки?

Ань Чунье налил воды и бросил взгляд на стоявшего столбом спутника:

— Чего стоишь? Садись.

Нин Цзюэ промолчал и молча опустился на стул.

За столом царило молчание, пока половой не принес закуски и два кувшина вина. Ань Чунье собственноручно наполнил две чаши и поднял свою:

— Благодарю за помощь сегодня. Эту чашу я пью за тебя.

В воздухе разлился чистый, дурмнящий аромат. Нин Цзюэ слегка нахмурился, его глаза забегали, но он все же нерешительно взял чашу.

— Прошу.

Ань Чунье чокнулся с ним и осушил чашу одним глотком. Раз уж Его Высочество выпил, как бы он ни хотел, пришлось пить и ему. Нин Цзюэ сглотнул, зажмурился и залпом влил вино в рот. Ледяное, как арктический холод, крепкое вино ударило в горло. Контраст льда и пламени заставил его тело содрогнуться, и он тут же закашлялся.

— Кхе-кхе-кхе...

Чаша выскользнула из рук и упала на стол. Нин Цзюэ отвернулся, опираясь на столешницу и не в силах остановить кашель.

— Ты...

Ань Чунье был поражен таким приемом: он еще не видел, чтобы кто-то пил вино столь безрассудно.

— С тобой все в порядке?

— Кхе-кхе...

Нин Цзюэ закашлялся до красноты, из его рта пахнуло крепким спиртным. На глазах выступили слезы, он отмахнулся, показывая, что жив.

— Зимнее опьянение — вино зимнее. Оно ледяное и обжигающее, вкус очень терпкий. Его нужно смаковать. Если так пить залпом, можно повредить здоровье.

Ань Чунье сменил чашу и налил горячего чая:

— Выпей, прополощи рот.

— Кхе-кхе...

Нин Цзюэ взял чашу и допил чай. Он и не думал, что вино окажется таким суровым. Сейчас внутри него словно боролись лед и пламя — то холодно, то жарко, невыносимо.

Ань Чунье прищурился и с любопытством произнес:

— Ты что, никогда раньше не пил?

Нин Цзюэ поднял покрасневшее лицо и, прикрыв рот рукой, снова кашлянул. Он действительно никогда не пил! В книгах писали, что в одной чаше вина топится любая печаль, и он думал, что оно должно быть приятным на вкус. Попробовав сегодня, он еще меньше понял любителей выпить. Смахнув слезинку с уголка глаза, Нин Цзюэ ответил:

— Прошу прощения, Ваше Высочество, я не мастер пить.

Ань Чунье улыбнулся и промолчал. Он позвал полового:

— Принеси кувшин подогретого сливового вина.

— Слушаюсь, господин, ожидайте.

Половой быстро спустился вниз. Нин Цзюэ не питал особого интереса к спиртному и хотел было отказаться, но, глядя на статус собеседника, лишь открыл рот и снова закрыл его.

Вскоре половой принес поднос. В большой чаше была горячая вода, в которой грелся кувшин с белым вином. Тонкий фруктовый аромат, струящийся из горлышка, смягчил резкий запах спирта — пахло очень даже приятно.

— Это сливовое вино. В нем много фруктов, а после подогрева вкус становится еще нежнее. Как раз для тех, кто не привык к крепким напиткам.

Ань Чунье не спеша налил чашу и пододвинул к Нин Цзюэ:

— Попробуй.

Жидкость нежного цвета шафрана выглядела заманчиво. Нин Цзюэ поднес чашу к лицу — пахло сливами, почти никакой спиртовой горечи. Он сделал глоток: теплое, с кисло-сладким фруктовым привкусом, оно разлилось по горлу, словно яркий огонек, зажженный посреди заснеженной равнины, мгновенно успокаивая обожженное крепким вином тело.

— Это вино вкусное, — искренне похвалил он, допив чашу.

Ань Чунье с улыбкой продолжил пить свое Зимнее опьянение. Нин Цзюэ взглянул на него и притянул к себе весь кувшин со сливовым вином.

Чаша, вторая, третья...

Выпив больше половины кувшина, пока все тело не наполнилось теплом, он наконец опустил чашу и довольно прищурился.

— Сливовое вино хоть и мягкое, но все же вино. Так пить нельзя, захмелеешь, — предупредил Ань Чунье.

Нин Цзюэ не придавал значения его словам. Этот кувшин по крепости не сравнится даже с двумя чашами Зимнего опьянения. Ань Чунье выпил уже полкувшина крепкого напитка и оставался невозмутимым, неужели он, выпив всего немного сливового, опьянеет?

— Хоть я и не пью обычно, но не думаю, что у меня совсем нет выдержки. Не беспокойтесь, Ваше Высочество, я еще соображаю.

Нин Цзюэ с улыбкой снова взялся за кувшин. Рассудок его был ясен, но он не видел, что его лицо пылает, а глаза затуманились — вино определенно ударило в голову. Видя, что ему действительно нравится сливовое вино, Ань Чунье перестал настаивать и позволил ему пить в свое удовольствие. В конце концов, пока он рядом, тот не потеряется.

Спустя полчаса кувшин был пуст. Ань Чунье по-прежнему был бодр, а вот Нин Цзюэ уже едва держался, взгляд его стал расфокусированным. Он действительно не умел пить.

— Ваше Высочество, вино кончилось.

Нин Цзюэ поднял пустую чашу. Его персиковые глаза налились краснотой. Он смотрел на Ань Чунье, склонив отяжелевшую голову, пряди волос упали на воротник. На белоснежном лице расцвел румянец, из приоткрытых губ вырывалось дыхание с легким фруктовым ароматом — он выглядел соблазнительно и почти демонически.

— Больше не пей.

Ань Чунье перехватил его блуждающую руку и забрал чашу:

— Ты уже пьян.

Нин Цзюэ был пьян, но не до конца. Тело горело, голова кружилась, но мысли еще были при нем — он понимал, кто перед ним и что тот говорит.

— Раз Ваше Высочество велит не пить, значит, не буду.

Его Высочество — государь, а он — подданный, нельзя нарушать приказ. Удивительно, что даже в таком состоянии он помнил о своем положении. Ань Чунье беспомощно улыбнулся:

— Где твой дом? Я провожу тебя.

— Мой дом... — Нин Цзюэ постучал пальцами по столу и пробормотал: — Это не мой дом. Мой дом в Иньчжоу...

Сплошной бред пьяного. Ань Чунье решил подыграть:

— Иньчжоу далеко, сегодня туда уже не добраться.

Нин Цзюэ поднял на него взгляд, в затуманенных глазах промелькнула насмешка:

— Как же вы умеете заговаривать зубы, Ваше Высочество.

Неужели он думал, что раз он пьян, то его можно так легко обмануть?

— Я не обманываю. Если ты правда тоскуешь по дому, завтра, как откроют городские ворота, я прикажу отправить тебя в Иньчжоу. Как тебе?

Ань Чунье говорил серьезно. Нин Цзюэ помог ему сегодня, и по-человечески он должен отплатить добром. Отправить одного человека в Иньчжоу — дело нехитрое.

— Благодарю за доброту, но не нужно.

Нин Цзюэ покачал тяжелой головой. Он еще не оправдал ожиданий матери, и если вернется в Иньчжоу вот так, боится, что даже порог дома переступить не сможет.

Ань Чунье не стал настаивать. Глядя в окно, он заметил, что снаружи повалил густой снег. Он поманил полового, тихо отдал пару распоряжений. Тот поклонился и поспешил вниз.

У Нин Цзюэ плыло в глазах, палочки для еды не слушались, он никак не мог подцепить арахис. Он сел ровнее, уставившись на двоящиеся орешки, мысленно приказывая им не двигаться, и медленно потянулся палочками к миске. Раз, другой — арахис разлетался в стороны, но ни один не удавалось захватить.

— Эй? Почему... почему не берется?

У Нин Цзюэ пересохло во рту, он хотел закусить, чтобы унять хмель, но пальцы ослабли. Он тыкал в разные тарелки, но ничего не выходило.

— Ладно, ладно, видно, не по карману мне ваше угощение.

Он вздохнул и отложил палочки. Голова стала тяжелой, а тело — легким, словно он парил в облаках. Снаружи шел снег, а в зале было тепло. Нин Цзюэ почувствовал, как шея вспотела, и, путаясь, развязал тесемки плаща. Шелк скользнул прочь, и белоснежный плащ упал на пол.

На полу расстелилось серебристое пятно, а юноша в красном, подперев подбородок руками, уже клевал носом. Ань Чунье смотрел на его покрасневшие щеки, взгляд скользнул ниже, на белую шею под алыми одеждами — линии были плавными, кожа словно топленое сало...

Ань Чунье невольно сглотнул. Заметив свою неловкость, он поспешно отвел взгляд, встал, подобрал плащ и тихо сказал:

— Снаружи снег, не простудись.

— М-м?

Нин Цзюэ с трудом приподнял отяжелевшие веки, его голос был тягучим, как мед:

— Жарко.

Настоящий демон. Взгляд Ань Чунье метался, его длинные пальцы сжали мех на плаще. Нин Цзюэ был окончательно пьян. Ань Чунье накинул на него плащ, а сам сел рядом и продолжил пить. Надо признать, хоть пил он и плохо, но вел себя очень прилично: пьяный, он был тихим, не шумел, а просто хотел спать.

Вскоре подоспел стражник:

— Ваше Высочество, карета подана.

— Угу.

Ань Чунье допил последнюю чашу, встал и уже собрался поддержать Нин Цзюэ, но услышал голос стражника:

— Ваше Высочество, позвольте мне помочь господину.

Ань Чунье бросил на него взгляд, ничего не ответил, лишь шагнул вперед, одной рукой схватил Нин Цзюэ за левую руку, а другой обнял за талию. Одним движением он легко поднял почти восьмифутового пьяницу.

Нин Цзюэ приоткрыл затуманенные глаза и привалился к Ань Чунье:

— Ваше Высочество? Уходим?

Даже тот, кто на ногах не стоит, умудряется сохранять такую ясность сознания.

— Да, я провожу тебя домой.

Ань Чунье, полюбившая его, повел к выходу. Уже у дверей он поплотнее запахнул плащ на плечах Нин Цзюэ. Карета ждала у самого входа. Нин Цзюэ почувствовал лишь дуновение холодного ветра, как тут же оказался внутри теплого экипажа.

<http://bllate.org/book/21783/2252433>